

© 1998 г. М.Е. АЛЕКСЕЕВ

ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И КAVКАЗСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ТРУДАХ Г.А. КЛИМОВА

Георгий Андреевича Климова по праву можно считать одним из наиболее ярких представителей современного отечественного общего и кавказского языкознания. Его научное наследие охватывает целый ряд актуальных направлений лингвистики и включает комплекс оригинальных научных решений и концепций.

Безусловно, основные научные интересы Г.А. Климова лежали в сфере картвелистики, где ему удалось создать по существу серию фундаментальных трудов, сформировавших, наряду с известной работой Т. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани [Гамкрелидзе, Мачавариани 1965], новую парадигму картвельской лингвистики: вопросы атрибутивного комплекса, реконструкция системы склонения, этимологический словарь, проблемы древних картвельско-индоевропейских контактов, типологическая характеристика картвельских языков и др. – это лишь самый краткий перечень узловых проблем картвелистики, получивших у Г.А. Климова наиболее обстоятельную разработку.

Уже первое научное исследование Георгия Андреевича – кандидатская диссертация [Климов 1955], выполненная под руководством А.С. Чикобава, – показала возможность решения на неисследованном до этого материале вопросов сравнительно-исторического синтаксиса. Опираясь на показания древнегрузинского, в котором примыкающие определения отсутствовали, а также на переходные случаи, наблюдаемые в современном грузинском и мегрельско-чанском, Г.А. Климов приходит к выводу о том, что "на древнейших этапах развития в картвельских языках существовали группы препозитивных и постпозитивных определений. В дальнейшем характер направления развития структуры рассматриваемой синтагмы в них свелся к тому обусловливающему многое остальное явлению, что группа исторически постпозитивных определений выравнивалась по препозитивным и стала, таким образом, также предшествовать своим определяемым" [Климов 1955: 13].

Практически первой работой в картвелистике по сравнительно-исторической морфологии, где была последовательно проведена процедура сравнительной реконструкции, стала его книга «Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте» [Климов 1962а], в которой была поставлена цель проследить историю системы склонения в картвельских языках, определить тенденции ее развития и произвести реконструкцию системы склонения пракартвельского языка-основы, рассматривавшуюся как одна из составных частей реконструкции всей морфологической системы на пракартвельском языковом уровне. При том, что исторические аспекты склонения в картвельских языках освещались до того времени достаточно часто, тем не менее система картвельского склонения в целом до появления в свет книги Климова не рассматривалась. Вопреки мнению ряда картвелистов, считавших, что сванский язык испытал сильное влияние абхазско-адыгских языков, Г.А. Климов подчеркивал особую архаичность сванской падежной системы, в большей степени отражающей общекартвельское состояние. В целом реконструированная в этой монографии общекартвельская падежная система включает следующие единицы (предложенные в данной монографии термины для обозначения

именительного, эргативного и дательного падежей были впоследствии признаны Г.А. Климовым [Климов 1973] неудачными):

Субъектно-объектный (именительный) -ø // -i (?)

Субъектный (эргативный) -d // -m (?)

Обстоятельственно-направительный -d // -ad (?)

Объектный (дательный) -s

Родительный -is₁

Целевой -is₁-d

Творительный -it (?)

Наиболее значительный труд Г.А. Климова – это его «Этимологический словарь картвельских языков» [Климов 1964]. В этой работе, с одной стороны, нашли отражение итоги сравнительно-исторических исследований в области картвелистики и, с другой стороны, был использован опыт индоевропейского языкознания. В частности, одним из ориентиров для «Этимологического словаря картвельских языков» был известный словарь Ю. Покорного [Pokorny 1959], хотя Г.А. Климову удалось, на наш взгляд, избежать ряд недостатков последнего: во-первых, были выделены реконструированные единицы разных хронологических уровней – общекартвельского или грузинско-занского; во-вторых, к тому времени уже имелась возможность сравнить результаты исследований разных языковых семей и с помощью "метода типологического эталонирования" подтвердить звукоподражательный, символический или экспрессивный характер целого ряда картвельских основ, что подчас было трудно сделать только на картвельском материале. Принципиальным моментом явился отказ от принятой в то время методики вычленения окаменелых элементов в составе реконструированных основ, среди которых оказалось значительное число многоконсонантных структур (ср. до сих пор популярную гипотезу моноконсонантизма кавказского корня). Говоря о количественных характеристиках словаря, нельзя не отметить, что в него вошло около 400 сближений, предложенных впервые.

В дальнейшем в сферу исследовательских интересов Климова как картвелиста вошли проблемы типологической характеристики и межъязыковых контактов, в особенности проблемы индоевропейско-картвельских взаимоотношений. Итогом многолетней работы по изучению древнейших ареальных контактов картвельских и индоевропейских языков явилась книга «Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков» [Климов 1994]. В ней выявляется три пласта заимствований (всего их выявлено 98 единиц) – общекартвельской эпохи (15 лексем, в т.ч. **mkerd-/mkrd-* 'грудь' < **krd-* 'сердце' и др.), грузинско-занской эпохи (40 лексем, в т.ч. **diga* 'глина, почва' < **dheigh-* 'мазать'), а также более поздние, усвоенные отдельными картвельскими языками независимо друг от друга (43 индоевропеизма; их рассмотрение ограничено периодом до появления памятников древнегрузинской письменности).

Как отмечается в монографии, выявленный заимствованный материал «представлен прежде всего типичными ингредиентами культурного словаря (в глагольной лексике – соответствующими основами). В большинстве случаев они отражают такие характерные сферы хозяйственной практики древних картвелов как скотоводство и земледелие... Другую часть выявленного здесь материала образуют так называемые экзотизмы, т.е. обозначения различных атрибутов не характерной для природной среды Кавказа низменной болотистой местности, изобилующей влагой» [Климов 1994: 207].

Выявленные в картвельском лексиконе индоевропеизмы, по мнению Г.А. Климова, дают дополнительные основания для локализации прародины индоевропейцев в Передней Азии.

Несмотря на приоритетное положение картвелистики в исследованиях Г.А. Климова, его можно назвать в полном смысле слова кавказоведом – специалистом не только по южно-кавказским, но и по северо-кавказским (абхазско-адыгским и нахско-дагестанским) языкам, о чем свидетельствуют уже первые публикации, посвященные состоянию сравнительно-исторического изучения абхазско-адыгских [Климов, Ша-

гиров 1959] и нахско-дагестанских [Климов, Талибов 1964] языков, в которых не только был дан анализ итогов предшествующих исследований, но и определены перспективные направления будущих поисков. Детальный анализ фонологических систем всех кавказских языков содержится в брошюре Георгия Андреевича, посвященной проблеме транскрипции [Климов 1962б].

Наиболее значительные в серии трудов Г.А. Климова по вопросам кавказоведения как такового — это возглавлявшиеся им коллективные труды «Структурные общности кавказских языков» и «Типология кавказских языков», а также его обобщающие монографии «Кавказские языки» [Климов 1965] и «Введение в кавказское языкознание» [Климов 1986]. В первой работе Г.А. Климов являлся также соавтором главы, посвященной лексическим общностям кавказских языков, а также «Заключения», в котором был дан опыт объяснения выявленных структурных общностей с точки зрения типологии (как контенсивной, так и формальной), ареальной лингвистики и частично экстралингвистическими факторами (например, наличие специфических звукоподражательных и звукосимволических лексем, отмечаемых и во многих других языках мира). Возможность генетической интерпретации не исключается, хотя ставится под сомнение.

В «Типологии кавказских языков» Г.А. Климовым были написаны главы, посвященные типологической характеристике картвельских и абхазско-адыгских языков. В этой монографии структура кавказских языков освещается с позиций контенсивной типологии, т.е. исходя из принадлежности картвельских языков к номинативному строю с существенным компонентом активной типологии, а абхазско-адыгских и нахско-дагестанских — к эргативному. При этом если западнокавказские языки достаточно близки к эталону эргативности, то в восточнокавказских налицо заметная тенденция к номинативизации.

Книга «Кавказские языки» [Климов 1965] (см. также немецкий перевод [Klimov 1969]), представляет собой компактное изложение всего комплекса проблем, связанных с изучением кавказских языков. В первой главе «Общие сведения о кавказских языках» характеризуются свидетельства античных авторов о народах Кавказа и их языках, оцениваются некоторые теории происхождения кавказских народов. Как ошибочная, в частности, трактуется миграционная теория, возводившая в абсолют отдельные исторически зафиксированные факты передвижения на Кавказ некоторых племен. Завершается глава следующим выводом: «Кавказское языкознание как отрасль лингвистической науки длительное время дискредитировалось фантастическими построениями целого ряда западноевропейских ориенталистов» [Климов 1965: 26]. Вторая глава содержит последовательную структурную характеристику отдельных групп кавказских языков — абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской. Опыт обобщения этих структурных характеристик содержится в небольшой по размеру третьей главе. Значительное внимание уделено проблеме генетических взаимоотношений кавказских языков (в том числе и их внешнего родства), рассматривающейся в четвертой главе. Автор приводит несколько лексических сближений, которые могли бы свидетельствовать о родстве кавказских языков. В целом же Г.А. Климов высказывает достаточно пессимистичный прогноз: "Ввиду трудной сопоставимости фактов различных групп кавказских языков, можно, по-видимому, считать, что иберийско-кавказская гипотеза никогда не будет располагать сколько-нибудь значительным числом межгрупповых словарных сопоставлений. Это предположение обуславливается хотя бы тем, что а priori возможное языковое единство кавказских языков должно было восходить к хронологически отдаленной эпохе неолита на Кавказе, когда самый лексикон был, вероятно, относительно ограниченным» [Климов 1965: 76]. Соответственно, при недоказанности внутреннего родства кавказских языков как необоснованные квалифицируются и попытки установить их внешние связи.

Пятая глава посвящена специфической проблеме «архаичности строя кавказских языков», что в свое время пытался в особенности на материале абхазского языка

обосновать Н.Я Марр [Марр 1938], стадияльная концепция которого явилась в определенной степени продуктом его изучения кавказских («яфетических») языков. На конкретных примерах (ср. односложные слова как показатель древнейшей ступени развития языка) в главе демонстрируется субъективный подход Марра к языковым фактам, приводящий к переоценке их архаичности. Шестая глава дает представление об истории письменностей на кавказских языках. Седьмая глава представляет собой очерк истории изучения кавказских языков.

«Введение в кавказское языкознание» [Климов 1986] (см. также немецкий перевод [Klimov 1994]) во многом можно рассматривать как переработку охарактеризованной выше книги. Здесь, кроме того, представлена структурная характеристика отдельных групп кавказских языков (выделенная в соответствующие главы). Значительное место здесь также уделено проблеме генетических взаимоотношений кавказских языков. Естественно, что в книгу вошел критический анализ публикаций, вышедших после 1965 г. Достаточно серьезной критике, в частности, подвергается работа А.И. Абдокова [Абдоков 1976] о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. К недостаткам этой книги Г.А. Климов относит (а) непосредственное сопоставление данных современных языков без реконструкции промежуточных архетипов, (б) произвольное членение сопоставляемого материала, (в) семантический анахронизм большого числа сопоставлений. В аналогичном ключе рассматривается работа о связи северокавказских языков с енисейскими [Старостин 1982], опирающаяся в части сопоставлений, по мнению автора, на заимствованный материал, и некоторые другие. Следует заметить, что не менее критически относился Г.А. Климов и к своему раннему опыту урартско-кавказских (в основном картвельских) сближений [Браун, Климов 1954].

Специальные главы в монографии посвящены соответственно типологическим и ареальным взаимоотношениям кавказских языков. Как наиболее результативные характеризуются многовековые контакты языков здесь в рамках каждой из групп кавказских языков: в картвельском ареале подобную роль пользующегося наибольшим престижем языка принадлежала грузинскому; в абхазско-адыгском аналогичную роль достаточно длительное время играли адыгские языки; в нахско-дагестанском ареале сходную до некоторой степени роль в разное время играли удинский и аварский языки. На межгрупповом уровне выделяется два ареала: картвельско-абхазскоадыгский и картвельско-нахскодагестанский.

Характеризуя ареальную проблематику, автор ставит вопрос о наличии общекавказского лексического фонда, в формировании которого «значительную роль сыграл грузинский язык». В качестве примеров слов, принадлежащих к этому фонду, приводятся наименования черешни или вишни, курицы, невестки (снохи), шапки-папахи; числительное «сто» и др. (всего 16 слов). В словарных параллелизмах северокавказского ареала, как правило, участвует и осетинский язык.

Наряду с этим многие специальные типологические, сравнительно-исторические и ареальные проблемы западно- и восточно-кавказских языков нашли свое отражение и решение в отдельных статьях Г.А. Климова. Особо здесь следует подчеркнуть разработку в этих статьях проблем генетической общности кавказских языков, проблем дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности, а также проблем языковых контактов.

Высокий уровень научного обобщения в результате анализа не только кавказских языков, но и практических представителей всех более или менее крупных языковых семей мира позволил Г.А. Климову создать целостную концепцию сравнительного языкознания, включающего типологическое, сравнительно-историческое и ареальное направления. Каждое из этих направлений нашло отражение в теоретических работах Г.А. Климова.

Наибольшую известность и признание в мировой лингвистике получили труды Г.А. Климова по континентальной типологии, где ему удалось прежде всего сформулировать понятие эргативного строя как целостной типологической системы

(до этого основным понятием в аналогичных исследованиях являлось понятие эргативной конструкции, не обладающее достаточным уровнем обобщения). Перу Климова принадлежит довольно большое количество статей по частным вопросам эргативистики, однако особое место среди его трудов здесь занимает, естественно, обобщающая монография «Очерк общей теории эргативности» [Климов 1973].

В определенной степени работу Г.А. Климова можно считать развитием типологических исследований И.И. Мещанинова, посвященных различным формам выражения субъектно-объектных отношений [Мещанинов 1936; 1940; 1967 и др.], где был предложен системный подход к эргативной конструкции предложения, рассматриваемой в комплексе с противопоставляемой ей абсолютной, исходя из ведущей роли семантики глагола-сказуемого в структурной организации предложения. На основе этого подхода была продемонстрирована инвариантность эргативной конструкции, проявляющейся в разных языках в именном, глагольном или смешанном вариантах.

Заметим попутно, что типологические построения советских языковедов 30–40-х годов послужили предметом специального монографического труда Г.А. Климова, давшего достаточно объективную оценку как достижениям, так и серьезным теоретическим просчетам Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, Н.Ф. Яковлева и др. [Климов 1981]. Эта монография в то же время является образцом исследования по истории науки, в котором прослеживаются исторические предпосылки типологических построений исследуемого периода (они связываются с именами П.К. Услара, А.А. Потемни и И.А. Бодуэна де Куртенэ), дается обстоятельный анализ вопросов теории и метода типологии (особо выделены такие проблемы, как типологическая классификация и разработка историко-типологических гипотез).

Отмеченные выше теоретические положения И.И. Мещанинова стали как бы фундаментом континентальной типологии, в рамках которой такие понятия, как эргативность, номинативность и активность, были представлены в виде иерархической взаимосвязи признаков, относящихся к разным уровням языковой структуры. Так, иерархические отношения, характерные для эргативной типологии, схематически можно представить следующим образом: переходные («агентивные») / непереходные («фактививные») глаголы¹ → эргативная / абсолютная конструкция → эргативный / абсолютный падежи в склонении ≈ эргативный / абсолютный ряды показателей (лица, класса, числа) в глаголе. Признание ведущей роли оппозиции глагольных лексем, как это не раз подчеркивалось, позволяет обнаружить максимально широкий набор импликаций, равно как и фреквенталий эргативности (номинативности, активности) на всех уровнях языковой структуры (с определенными оговорками по отношению к фонологии), что, в свою очередь, ведет к установлению языка-эталона, к которому в большей или меньшей степени приближаются известные нам языки.

Заметим в связи с этим, что наряду с охарактеризованным выше подходом к эргативности, последовательно проводившимся Г.А. Климовым, в типологии сформировалось и так называемое парциальное направление, основным принципом которого является рассмотрение любого явления, противопоставляющего субъект переходного действия недифференцированным объекту переходного и субъекту непереходного, как эргативного, а явления, противопоставляющего субъект переходного и непереходного действия объекту, как номинативного (аккузативного). Как видно, такое понимание практически означает отказ от представления эргативности в виде целостного языкового типа и, более того, ведет к установлению некоторых черт эргативности, типичных для номинативного типа, сравни, например, статус пассива, удовлетворяющего охарактеризованному выше определению эргативности, но выявляемого, как правило, лишь в языках номинативной типологии.

¹ В соответствии с типологической схемой Г.А. Климова дихотомия агентивных / фактививных глаголов в эргативных языках не совпадает с делением глаголов на переходные / непереходные в номинативных (ср. такие специфические глагольные классы, как лабильные глаголы, нейтральные к признаку переходности / непереходности; глаголы внешнего воздействия, попадающие в разряд интранзитивных; каузативные глаголы, обладающие специфической моделью управления).

Опора на цельносистемный принцип позволила Г.А. Климову совершить по существу открытие нового языкового типа – активного строя, не обособлявшегося ранее от эргативного. Этот языковый тип кратко может быть охарактеризован следующим образом: «Широкая совокупность разноуровневых коррелятов, определяющая специфический облик языков активного строя, может быть представлена как реализация лежащей в ее основе некоторой глубинной структуры. Конкретная специфика этого большого комплекса языковых явлений дает основания полагать, что семантической детерминантой активного строя является противопоставление не субъектного и объектного начал, как это имеет место в языках эргативного и, видимо, номинативного строя, а активного и инактивного... В соответствии с этим структура характеризуемых языков специально ориентирована на передачу не субъектно-объектных отношений, которые находят здесь имплицитное выражение, а отношений, существующих между активным и инактивным актантами» [Климов 1973: 215].

Этому открытию способствовало и скрупулезное изучение малоизвестного у нас лингвистического материала, поскольку языки активного строя наиболее широко представлены в Северной Америке, включая сепиловскую «большую семью» на-дене (хайда, тлингит, эяк, атапаскские), а также группы сиу и галф, и в Южной – языки тупи-гуарани. Не меньшее значение имела и интерпретация структурных характеристик некоторых реконструированных праязыковых систем (общеиндоевропейской, общекартвельской, общенисейской, общеафразийской и др.), которые, как отмечает Г.А. Климов, лучше всего укладываются в схему активного строя.

В специальной монографии, посвященной характеристике языков активного строя, Г.А. Климов [Климов 1977] выявляет две их разновидности. Первую, в которой корреляция активности / инактивности близка к корреляции одушевленного и неодушевленного, он квалифицирует как раннеактивную; вторую, приближающуюся к корреляции субъектного и объектного, – как позднеактивную.

Последовательно реализуя принцип системной типологии, Г.А. Климов выявляет набор импликаций активного строя. Так, в качестве важной лексической импликации активного строя квалифицируется бинарное распределение всех имен существительных на активный (к этому классу относятся обычно названия людей, животных, деревьев и растений) и инактивный классы (названия всей остальной совокупности предметов и явлений). В глагольной лексике отмечается наличие различных глагольных основ с одинаковой семантикой, но дифференцированных в зависимости от свойств вовлекаемых в глагольное действие референтов. С другой стороны, для языков активного строя характерно неразличение субъектно и объектно ориентированных глагольных основ (ср. глаголы с диффузным значением «гореть/жечь» и др.), а также противопоставление семантически тождественных так называемых «сингулярных» и «плюральных» глагольных лексем. Обособленный глагольный класс здесь, как правило, составляют глаголы непроизвольного действия и состояния (аффективные глаголы). В этот ряд входит и отсутствие связочного глагола, равно как и несформированность прилагательных. В прономинальной системе аналогичный статус получает оппозиция эксклюзива и инклюзива.

Выявленные синтаксические (оппозиция активной, инактивной, а также аффективной конструкции) и морфологические (два ряда личных аффиксов в глаголе – активный и инактивный; наличие категорий способа действия, или аспекта, и версии; оппозиция форм отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в имени) импликации активного строя выводятся из его лексических характеристик.

В книге формулируется гипотеза относительно генезиса активного строя, по автору, представляющего собой результат типологического преобразования классного строя.

Последний более или менее подробно описывается в следующей типологической монографии [Климов 1983], посвященной обобщению принципов контенсивной типологии. Обобщенное представление о разработанной Г.А. Климовым типологической классификации дает таблица (см. [Там же: 87]).

		Классный	Активный	Эргативный	Номинатив- ный
Лексика	Существи- тельное	Множество предм. клас- сов	Активный ~ инактивн. классы	∅	∅
	Глагол	(?)	Активн. ~ ста- тивн.	Агентив. ~ фактивив.	Транзит. ~ ин- транзит.
Синтаксис	Конструкции предложения	?	Активн. ~ инактивн. Ближайшее ~ дальнейшее	Эргатив. ~ аб- солют. «Прямое» ~ «косвенное»	Номинативная
	Дополнения				Прямое ~ кос- венное
Морфология	Именное склонение	∅	Активн. ~ инактивн. пад.	Эргатив. ~ аб- сол. пад.	Им. ~ вин. пад.
	Глагольное спряжение	Множество классно-лич- ных аффиксов	Активн. ~ инактивн. ря- ды личных аффиксов	Эргатив. ~ аб- сол. ряды лич- ных аффрик- сов	Субъект. ~ (объект.) ря- ды личных аффиксов

Продолжая историческую последовательность типологических систем, Г.А. Климов высказал предположение о нейтральном строе как предшественнике классного, однако его выделение вызывало у него сомнения в силу прежде всего неизученности тех языков, которые могли бы считаться представителями этого типа. На наш взгляд, дело не только в этом. Уже сопоставление классного типа с активным, эргативным и номинативным выявляет различие в принципах их выделения. Если последние три дают различные схемы “падежного” кодирования активного (субъектного) и пассивного (объектного) участников ситуации, то классный тип может быть совмещен практически с любым из них. Поэтому не случайно в вопросительные знаки в соответствующем столбце таблицы. Не случайно и то, что в дальнейшем Г.А. Климов практически не разрабатывал предложенную им модель.

Одной из наиболее актуальных задач типологии Г.А. Климов считал разработку типологической теории, “не только обслуживающей описание языковых явлений, но и претендующей на их объяснение”. В связи с этим на первый план выдвигается требование построения естественной типологической классификации, сопоставимой в этом отношении с генетическими и ареальными классификациями. В основе такой естественности, по мнению Климова, лежит понятие языкового типа. По этой причине от собственно типологии Г.А. Климов отделял ряд разновидностей структурного исследования языка, не имеющих дела с понятием языкового типа – контрпассивное (сопоставительное) языкознание, лингвистическую характерологию, универсалологию (лингвологию). По этой же причине в таких употребительных словосочетаниях, как “типология словарей”, “типология дифференциальных признаков фонем”, “типология социолингвистических ситуаций” и др., Г.А. Климов видел примеры явной десемантизации самого термина “типология”, отмечая, что типология слишком часто представляется собранием практически всех подходов к языковому материалу, не укладывающихся в рамки сравнительно-исторического и ареального языкознания.

Наиболее важным моментом в выборе квалификационных характеристик языкового типа является языковое содержание, поскольку формальные черты языков – лишь техника для его выражения. Таким образом, ведущее положение в типологии как таковой должна занимать содержательно ориентированная – контенсивная типология. Обоснованию и детализации этого тезиса посвящено несколько работ Г.А. Климова, однако наиболее подробно эта проблематика была рассмотрена в монографии «Принципы контенсивной типологии» [Климов 1983], обобщившей весь предшествующий опыт автора и наметившей некоторые перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Как подчеркивается в книге, семантический фактор, а именно совокупность некоторых семантических универсалий (понятийных категорий), позволяет найти основания для сопоставления формальных средств самых разных языков: в этом качестве выступают субъектно-объектные отношения действительности, которые так или иначе обязательно выражаются во всех языках мира.

Исключение из типологии других направлений лингвистики, предметом которых является сравнение языков, не означает, естественно, что они вообще не имеют права на существование. В частности, надо сказать, что характерология также входила в круг научных интересов Г.А. Климова. Об этом можно судить хотя бы по двум упоминавшимся выше монографиям: «Структурные общности кавказских языков» [Структурные общности... 1978] (коллективная работа сектора кавказских языков) и «Типология кавказских языков» (в соавторстве с автором этих строк) [Климов, Алексеев 1980].

Будучи в одинаковой степени специалистом в трех областях сравнительного языкознания – генетическом, типологическом и ареальном, Г.А. Климов уделял немалое внимание проблемам их взаимного обособления. Так, по его мнению, “генетическая лингвистика изучает сходства, обусловленные процессом дивергенции языков из некоторой общей для них генетической традиции, типологическая – изучает сходства, возникающие за счет независимого, параллельного развития языков, ареальная – изучает сходства, складывающиеся в ходе конвергентного процесса, происходящего в языках” [Климов, 1990 : 6]. Если сравнительно-историческое языкознание как специальная отрасль лингвистики сформировалась уже достаточно давно и в этом смысле ее предмет, методы и задачи были более или менее определены, то для двух других решение соответствующих вопросов оказалось далеко не таким тривиальным.

Хотя в целом вряд ли можно оспаривать известную формулировку Р. Якобсона о том, что генетический метод имеет дело с языковым родством, типологический связан с изоморфизмом языков, а ареальный – с их сродством [Якобсон 1963 : 97], важное значение имеют и методические выводы из этого положения, которые были сделаны Г.А. Климовым со свойственной ему систематизацией: всем трем фундаментальным отраслям сравнительного языкознания соответствуют и три принципиально самостоятельных способа лингвистического объяснения – генетическое, типологическое и ареальное, а также три различных классификации языков. В соответствии с ними оказываются, естественно, и разные таксономические единицы последних. В первом случае – это языковая семья, во втором – типологический класс языков, в третьем – языковой союз². Во всех трех сопоставленных дисциплинах свою специфическую трактовку получают одни и те же факты эмпирической данности. Так, если компаративиста албанский генитив занимает как продолжение индоевропейского родительного падежа, то типолога (работающего в сфере контентивной схематики) он интересует как одна из импликаций номинативного (аккузативного) строя, и, наконец, ареаловеда он привлекает со стороны своей специфики как характерной черты балканского языкового союза.

Г.А. Климов в полной мере осознавал и определенное взаимодействие этих направлений сравнительного языкознания. Так, результаты типологических исследований (особенно если включать в их сферу так называемые характерологические) нередко привлекаются на службу генетическим. Более того, они могут в какой-то мере верифицировать степень достоверности результатов генетической реконструкции, на что специально указывал Р. Якобсон. Интересно, что в практике так называемой дальней реконструкции Г.А. Климов видел тенденцию использования типологических соображений в качестве некоторого основания сравнительно-исторических восстановлений. Ареальная лингвистика вносит свой вклад в сравнительно-генетические

² Точка зрения, согласно которой содержание ареальной лингвистики определяется как применение методов лингвистической географии к задачам генетического изучения языков, Г.А. Климовым не поддерживалась.

построения, в первую очередь тем, что устраняет из поля зрения генетических исследований языковые общности, обусловленные действием фактора конвергентного развития. Компаративистика, в свою очередь, также способна вносить свой вклад в решение конкретных задач других лингвистических дисциплин. Результаты сравнительно-генетических исследований могут в какой-то степени влиять на перспективы обоснования конкретных историко-типологических построений.

Конкретизируя сходства и различия между тремя дисциплинами сравнительной лингвистики, в качестве отличительного свойства компаративистики Г.А. Климов выделял ее органическую привязанность к конкретной языковой субстанции – к самому материалу фонем, морфем и лексем, что не является обязательным для типологических исследований (в том числе и для типологии фонетических систем) и в целом для ареальных.

Не менее важным представляется проведение демаркационных линий между дисциплинами “сравнительного цикла” от тех отраслей лингвистики, в которых сравнение языков не представляется обязательным компонентом исследования. Так, сравнительно-генетические исследования вполне отчетливо обособляются от проблематики глоттогенетических построений. Основоположники компаративистики предполагали в свое время, что разработка сравнительных грамматик конкретных языковых групп позволит выявить основные черты так называемого органического периода языковой предьстории, когда якобы складывалась и устанавливалась форма языка, однако развитие науки не оправдало их ожиданий, вследствие чего некоторые направления индоевропеистики еще с середины прошлого столетия стремились исключить из сферы своей компетенции проблематику глоттогенеза.

К концу 60-х годов картвелистика, далеко не в последнюю очередь, благодаря работам Г.А. Климова сделала существенный скачок, поставивший ее по степени разработки конкретных проблем на уровень индоевропеистики. Вместе с тем, как неоднократно отмечал Г.А. Климов, в сфере компаративистики по-прежнему множились число “беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение науки” [Климов 1990 : 3]. Таким образом, возникла необходимость, с одной стороны, обобщить накопившийся достаточно богатый опыт обращения с материалом, отличным от индоевропейского, и, с другой стороны, на высоком профессиональном уровне обсудить общие проблемы компаративистики, одинаково волнующие исследователей на материале различных языковых семей, что было осуществлено сначала в монографии «Вопросы методики сравнительно-генетических исследований» [Климов 1971] и затем в ее переработанном и расширенном варианте «Основы лингвистической компаративистики» [Климов 1990].

Конкретные приемы сравнительно-генетического языкознания в обеих монографиях иллюстрируются, естественно, на наиболее близком автору фактическом материале кавказских языков, в первую очередь, картвельских, а также абхазо-адыгских и нахско-дагестанских. Это обстоятельство, на наш взгляд, увеличивает достоинства книги: во-первых, по причине того, что кавказские языки вызвали к жизни в свое время целый ряд самых невероятных гипотез лингвогенетического порядка, и, во-вторых, поскольку все еще продолжают высказываться идеи о своеобразии кавказских языков, не позволяющих применять классические процедуры компаративистики.

Как было отмечено, монография «Основы лингвистической компаративистики» [Климов 1990] продолжила обсуждение проблем, рассматривавшихся в книге 1971 года [Климов 1971]. По существу это расширенная и вместе с тем коренная ее переработка и, конечно, выделение из общего комплекса проблем компаративистики некоторых вопросов, ранее не получивших детального освещения – проблемы неочевидного родства, а также сравнительно-исторического исследования языков, лишенных древнеписьменной традиции.

Работа состоит из шести глав. Первая из них посвящена наиболее общим вопросам методической проблематики компаративистики. Среди многообразия конкретных

процедур, объединяемых общим термином “сравнительно-исторический метод”, Г.А. Климов выделяет приемы:

- а) генетического отождествления фактов,
- б) обоснования языкового родства,
- в) реконструкции архетипов (праформ),
- г) хронологизации и локализации явлений,
- д) генетической группировки языков.

Здесь же поднимается такой существенный вопрос методического плана, который в исследовательской практике либо вообще остается без ответа, либо решается не всегда однозначно: в каком объеме в сферу компетенции сравнительно-генетического исследования входят новообразования различных представителей языковой семьи. Решение этого вопроса Г.А. Климов предлагал искать в направлении разграничения сфер компетенций сравнительной грамматики макросемьи (здесь термин “макросемья” употреблен в относительном смысле, отличном от его обычного понимания) родственных языков и сравнительной грамматики отдельных входящих в нее ветвей или микросемей: сравнительную грамматику микросемьи должны интересоваться только те инновации конкретных языков, на показаниях которых она строится и которые уже ничего не дают с точки зрения построения сравнительной грамматики соответствующей макросемьи.

Среди факторов, влияющих на результаты сравнительно-исторического исследования, автор отмечает количество языков, образующих языковую группу (этим объясняется, например, значительный прогресс этих исследований в области центрально- и южноамериканских языков), а также материальную близость или же гетерогенность сравниваемых языков (близкое языковое родство еще никогда не препятствовало такому исследованию, если оно не было сопряжено с длительными интенсивными контактами).

Обсуждая возможности использования в реконструкциях языка-эталона, Г.А. Климов подчеркивает, что в огромном большинстве случаев сравнительно-исторические грамматики строятся исключительно по показаниям фактического материала языков, известных лишь в их современном состоянии. Поскольку, как правило, языки архаичные в каком-либо одном отношении оказываются достаточно эволюционировавшими в другом, практически очень трудно говорить о возможности преимущественного использования одного из ингредиентов языковой семьи в роли языка-эталона сравнения.

Высоко оценивал Г.А. Климов применение в компаративистике методов вероятностных обоснований – использование всех возможных точек опоры, позволяющих обосновывать предположения о происходивших в родственных языках процессах, в той или иной степени приближающихся к их реальной истории. По его мнению, роль этих методов должна возрастать с углублением исследования в историю, неизбежно сопровождаемым сокращением обнаруживаемого в представителях языковой семьи генетически-детерминированного материала.

Во второй главе книги рассматривается синхронный аспект сравнительно-исторических исследований, который, несмотря на кажущееся несоответствие с их диахронической сущностью, в определенной степени присущ таким процессам компаративистики, как генетическое отождествление языковых явлений и, следовательно, доказательство самого факта языкового родства.

Объективную предпосылку генетической идентификации языковых явлений, прибегая к формулировке Г.А. Климова, составляет генетическая сравнимость отдельных фактов и их целых совокупностей как в пределах одной языковой системы, так и в составе систем родственных языков, восходящих в конечном счете к общему для них историческому знаменателю прошлого. При этом отношения генетического порядка не распространяются на заимствования, поскольку сам способ проникновения подобного материала в неродственные языки имеет контактную (т.е. ареальную), а не генетическую природу. Соответственно, нет оснований говорить о возможности примене-

ния сравнительно-исторического метода к заимствованиям. В равной мере процедура доказательства генетической связи языков не может быть основана на анализе их структурных признаков (достаточно убедительна здесь ссылка на предложенную в 1937 г. Н.С. Трубецким характеристику общеиндоевропейской структуры, обнаруженную впоследствии Э. Бенвенистом в североамериканском языке такелма). Наконец, методически неоправданным является сведение процедуры генетического доказательства к сопоставительному анализу по признаку внешнего субстанционального сходства сравниваемого материала, возможному лишь на начальном этапе исследования. В целом не работающими для решения этой проблемы признает Г.А. Климов и различные количественные методики, в том числе глоттохронологию М. Сводеша (как способ доказательства родства языков) [Swadesh 1952; 1955 и др.], прием группового сравнения и др.

Единственным фактором, релевантным для процедуры обоснования языкового родства, пишет Г.А. Климов, является “лишь фактор системности или, как нередко говорят, регулярности... отношений в субстанции родственных языков, с логической необходимостью вытекающей из системного характера языка и системных тенденций его развития и, в частности, из определенной системности фонологических изменений” [Климов 1990: 24]. При этом различие так называемых дифференцированных звукосоответствий, с одной стороны, и звукосоответствий идентичности, с другой (которые, как отмечает Г.А. Климов, строго говоря, нельзя квалифицировать как идентичные, поскольку соответствующие фонемы занимают разные места в рамках своих фонологических систем) в принципе в обосновании языкового родства является (с некоторыми оговорками) нерелевантным.

Серьезное внимание уделял Г.А. Климов критериям отбора лексического материала, пригодного для сравнения. Непоказательными, по его мнению, являются различные категории дескриптивной (звукоименной или звукоподражательной) лексики, поскольку в ней довольно высок процент универсального или широко распространенного фонетического инвентаря. Кроме того, она довольно часто не подчиняется историческим закономерностям развития фонологических систем. Разбирая различные виды звукосоответствий и степень их доказательности, Г.А. Климов приходит к выводу, что “приемы отграничения аллогенетического компонента от элементов генетически обусловленного наследия остаются в компаративистике до последнего времени совершенно неразработанными” [Климов 1990 : 39]. Осторожного отношения заслуживает и культурный словарь, который хотя и может существенно варьировать в своем составе по языкам в зависимости от конкретно-исторических условий жизни общества, все же легко заимствуется из одной языковой среды в другую.

В то же время лексика, отражающая более или менее универсальные для человеческого общества понятия и составляющие так называемый “основной” лексический фонд – патронимика, обозначения явлений природы, названия элементов дикой флоры и фауны, личные местоимения, обозначения элементарных действий и т.п., – а также субстанция грамматических морфем (прежде всего, – словоизменительных аффиксов), представляют собой наиболее надежный фундамент сравнительно-исторического исследования. Причем ограничение материала грамматическими элементами также нельзя признать оправданным: эти элементы имеют меньшую протяженность, чаще подвержены конвергенции, немногочисленны, так что сами по себе недостаточны для выводов исторического порядка.

Автор считал, что методически наиболее выдержанный и в то же время экономный путь сравнительно-генетического исследования включает последовательную процедуру реконструкции от позднейших языковых состояний к более ранним – от сравнительной реконструкции диалектов одного языка и от сравнения близкородственных языков к сравнению более отдаленных, что, по его мнению, предохраняет от возможного искажения хронологической перспективы исследования, хотя такая последовательность предполагает предварительное решение вопроса о внутренней группировке языковой семьи.

В книге высказывается оптимистический взгляд на возможность установления даже отдаленного генетического родства: даже при принятом среднем проценте сходств в материале неродственных языков в 4% родство языков, по мнению Г.А. Климова, в принципе может быть настолько отдаленным, что не даст даже столь низкой цифры. При этом, в противоположность отдельным авторам, предлагавшим в подобных случаях искать некоторую качественно отличную методику генетического доказательства, Г.А. Климов настаивал на максимальной строгости уже выработанных классической компаративистикой методов.

В третьей главе раскрывается понятие реконструкции в компаративистике, которое определяется не как восстановление реальных фактов языкового прошлого, а как формулировка некоторого лингвистического знания о них, фиксируемого в виде архетипов или праформ и их совокупностей. В связи с этим рассматривается возможность реконструкции лексических и морфологических дублетов, элементов нейтральной и сакральной лексики, и, более того, некоторой наддиалектной нормы, противопоставляющейся территориальным диалектам. Осложняет процедуру реконструкции наличие соответствий, обязанных своим появлением процессам позднейшего параллельного развития, независимо протекавшего по этим языкам.

Пожалуй, наиболее важным принципиальным моментом в этой главе является разграничение между понятиями собственно реконструкции и диахронической интерпретации. Собственно реконструкция предпринимается с целью исторического истолкования соответствий, зафиксированных в реальных родственных языках, а диахроническая интерпретация оперирует не реальным языковым субстратом, а архетипами, углубляя диахроническую перспективу исследования за счет проникновения в хронологически более отдаленные этапы праязыкового состояния. При этом в последнем случае на порядок снижается степень достоверности полученных результатов. В то же время при сбалансированном сочетании обеих процедур можно получить более или менее эффективный результат (в качестве примера приводятся ларингальная и глоттальная теории в индоевропеистике).

Г.А. Климов показывает и некорректность крайних точек зрения на сущность архетипа (праформы) – как воспроизведения тех или иных языковых фактов в некотором буквальном смысле слова, с одной стороны, и его позитивистской трактовки как условного обозначения особого ряда соответствий в сравниваемом языковом материале, с другой. По мнению ученого, “архетип всегда предполагает ее некоторую содержательную интерпретацию и, таким образом, представляет собой более или менее приближенное отражение стоящей за этой формулой языковой реальности прошлого” [Климов 1990 : 53].

От проблем верификации реконструированных архетипов автор переходит к проблемам моделирования генетических взаимоотношений родственных языков («родословное древо», «волновая модель» и т.п.) и праязыка, в связи с чем высказывается мысль о бесперспективности идеи унифицированности последнего: праязыковое состояние должно представлять из себя некоторый континуум родственных языков-диалектов. Положительно оценивается в книге также динамический взгляд на праязыковое состояние, выступающее здесь как совокупность отдельных состояний, соотносимых с разными хронологическими уровнями.

Конкретные приемы реконструкции, подразделяемые на внешнюю или “сравнительную” реконструкцию, внутреннюю реконструкцию и так называемый филологический метод, характеризуются в четвертой главе. Внешняя реконструкция, по сравнению с вариативностью методик внутренней реконструкции, характеризуется единообразием и включает следующие шаги: а) сопоставление сходных (или совпадающих) по материалу и семантике единиц, б) определение системных корреспонденций в их материале, в) установление хронологического соотношения в форме и семантике сопоставляемых единиц и г) выведение исходного архетипа. Глава содержит подробный обзор применения рассматриваемых процедур и их верификации в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике.

В пятой главе рассматривается совокупность приемов хронологизации и локализации явлений, а также анализируются принципы группировки (классификации) языков. Г.А. Климов исходит здесь из того, что внимание к проблемам хронологизации и локализации архетипов является важным условием исторического подхода к генетическому изучению языков в пределах языковой семьи: понятие языка вообще немислимо вне пространства и времени. В то же время в книге подчеркивается мысль, что для лингвистики преимущественное значение имеет решение вопросов не абсолютной, а релятивной хронологизации и локализации. Среди установленных в этой области закономерностей называется и следующая: «если в двух смежных областях распространены две группы родственных языков, причем в области с наибольшей территорией дифференциация языков является слабой, а в области с наименьшей территорией наблюдается резкая дифференциация, то можно предположить, что время разделения первой группы языков намного меньше времени разделения второй группы языков» [Климов 1990 : 109]. Среди конкретных приемов относительной хронологизации Г.А. Климов выделял две основных группы приемов: определение последовательности явлений на временной оси, с одной стороны, и совмещение явлений во времени (синхронизация), с другой. Оценивая возможность глоттохронологии, Г.А. Климов пишет, что даже при скептическом отношении к абсолютным датировкам, получаемым в результате применения этой методики, ее показания об относительной хронологии внутренней группировки языковой семьи вполне убедительны.

В группу обсуждаемых в главе проблем вошла и проблема прародин, в решении которой значительный вес имеет идея вариативности географической конфигурации соответствующего ареала.

Говоря о различных критериях родственных языков, автор отдает предпочтение морфологическим признакам как более надежным.

В шестой главе обсуждаются возможности экстралингвистической интерпретации данных компаративистики. Здесь подчеркивается большая ценность данных сравнительно-генетического исследования для изучения этногенеза говорящих на исследуемых языках народов. Этот тезис иллюстрируется, с одной стороны, богатым картвельским материалом и, с другой стороны, примерами неучета культурно-исторических данных в реконструкциях.

Безусловно, в одной статье трудно охватить весь перечень научных результатов, полученных Г.А. Климовым. Так, за ее пределами остались монография «Фонема и морфема», в которой обсуждаются фундаментальные концепты современного языкознания [Климов 1967], описание языка бурушаски, содержащее ряд важных в типологическом, ареальном и генетическом отношениях наблюдений [Климов, Эдельман 1970], проблемы дихотомии «язык ~ диалект», работа над энциклопедическим изданием «Языки мира (Кавказские языки)», Лингвистическим атласом Европы и др. Ряд работ еще ожидает публикации – это переработанный «Этимологический словарь картвельских языков», уникальный по замыслу словарь основной лексики кавказских языков, собранный не только по литературным источникам, но и в результате полевой работы с информантами, составлявший в течение десятилетий мегрельско-русский словарь. Однако, на наш взгляд, уже перечисленное дает нам основание говорить о том, что научные идеи Г.А. Климова еще долго будут определять основные пути развития общего и кавказского языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдоков А.И. 1976 – К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976.
- Браун Я., Климов Г.А. 1954. – Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков // V Научная сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР. Тбилиси, 1954.
- Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. 1965 – Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

- Климов Г.А. 1955 – Основные синтаксические вопросы атрибутивного комплекса в картвельских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1955.
- Климов Г.А. 1962а – Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
- Климов Г.А. 1962б – О проекте единой фонетической транскрипции кавказских языков. М., 1962.
- Климов Г.А. 1964 – Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Климов Г.А. 1965 – Кавказские языки. М., 1965.
- Климов Г.А. 1967 – Фонема и морфема. М., 1967.
- Климов Г.А. 1971 – Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971.
- Климов Г.А. 1973 – Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов Г.А. 1977 – Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов Г.А. 1981 – Типологические исследования в СССР. М., 1981.
- Климов Г.А. 1983 – Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
- Климов Г.А. 1986 – Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Климов Г.А. 1990 – Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Климов Г.А. 1994 – Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
- Климов Г.А., Алексеев М.Е. 1980 – Типология кавказских языков. М., 1980.
- Климов Г.А., Талибов Б.Б. 1964 – К вопросу о сравнительно-историческом изучении лезгинских языков // Уч. зап. Ин-та истории, яз. и лит. им. Цадасы. Т. XIII. Махачкала, 1964.
- Климов Г.А., Шагиров А.К. 1959 – К сравнительно-историческому изучению абхазско-адыгских языков // Уч. зап. Каб.-Балкарск. НИИ. Т. XVI. Нальчик, 1959.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И. 1970 – Язык бурушаски. М., 1970.
- Март Н.Я. 1938 – О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938.
- Мещанинов И.И. 1936 – Новое учение о языке. Л., 1936.
- Мещанинов И.И. 1940 – Общее языкознание. Л., 1940.
- Мещанинов И.И. 1967 – Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.
- Старостин С.А. 1982 – Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Лингвистика. Л., 1982.
- Структурные общности... 1976 – Структурные общности кавказских языков / Отв. ред. Г.А. Климов. М., 1978.
- Якобсон Р. 1963 – Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Klimov G.A. 1969 – Die kaukasische Sprachen. Hamburg, 1969.
- Klimov G.A. 1994 – Einführung in die kaukasische Sprachwissenschaft. Hamburg, 1994.
- Pokorny J. 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern: München, 1959.
- Swadesh M. 1952 – Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts with special reference to North American Indians and Eskimos // Proceedings of the American philosophical society. V. 96. 1952.
- Swadesh M. 1955 – Towards greater accuracy in lexico-statistic dating // IJAL. V. 21. N 2. 1955.